

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

CAMBIO DE VIDA — ИЗМЕНЕНИЯ

*Игуасу, Парана, Вейнтисинко-де-Майо, Санта-Ана,
Буэнос-Айрес, Лос-Аборерос, пароход «Британия»
1898—1899 годы*

Глава первая

Возле водопадов Игуасу

Кларисса не могла сказать, как долго она уже висела, погрузившись по пояс в бушующие воды реки. Она отчаянно держалась за свисавшие низко над водой ветви дерева, но силы ее были на исходе. Как ни старалась девушка, однако бороться со стихией больше не могла. Она знала: на этот раз все будет кончено. Она разожмет пальцы, река неумолимо затащит ее на глубину и больше не вернет.

Кларисса закрыла глаза. Тут же в голове промелькнули ужасные картины, они навсегда врезались в память: прогулка с Ксавьером к водопадам, потом незнакомые мужчины, которые внезапно напали на них и стреляли в Ксавьера. Казалось, им было все равно, заденут ли они и ее, Клариссу.

Девушка не могла сказать, как очутилась в реке, только волны могучей Игуасу тут же подхватили ее и унесли. В конце

концов Клариссе все же удалось ухватиться за ветки. Она всхлипывала, комок стоял в гортани, но рев воды все заглушал.

«Ксавьер мертв... Какой смысл жить дальше? Может, просто разжать пальцы?»

Сердце Клариссы рвалось к Ксавьеру, но тело сопротивлялось этому желанию — оно предательски стойко цеплялось за жизнь.

«Дольше я не продержусь...»

Не успела она об этом подумать, как пальцы ее разжались. Девушка ушла с головой в волны. В панике барахтаясь, она наглоталась воды, но все же выплыла на поверхность, откашлялась. Река неумолимо тащила ее за собой, как щепку.

«Почему меня не застрелили сразу? Почему я жива? Я хочу быть рядом с Ксавьером».

Девушке все еще удавалось держать голову над водой. Кларисса хорошо плавала. А может, такова была ее судьба...

Кларисса перевернулась на спину и заметила синюю полоску неба в просвете между пологом листвы, переливавшейся всевозможными оттенками зеленого цвета. Зеленый, зеленый, зеленый — все варианты зеленого. Даже солнечные лучи казались зеленоватыми.

«Что случится с моими родителями? Увижу ли я их когда-нибудь снова?»

Вдруг водоворот закружил ее и утащил вниз. Девушка сделала взмах руками, перевернулась и вынырнула снова, жадно глотнула воздуха, откашлялась, сплюнула, подумала о крови, которой она была залита, — крови Ксавьера.

Завтра исполнилась бы первая годовщина их свадьбы — сложный, но очень счастливый год.

Волна снова ударила ей в лицо. Кларисса в очередной раз закашлялась и сплюнула. Девушка обессилела, мысли неуклюже ворочались в голове: «Улыбка Ксавьера... его тепло. Его крепкие руки на моем теле... Никогда больше не увидеть и не почувствовать этого».

И вдруг... Под ногами она ощутила что-то твердое... Дно, илистое, усеянное камнями дно... Запах прелой листвы, бы-

стрые прикосновения к телу, всего лишь на долю секунды. Неужели рыбы? Какие?

А потом течение прибило Клариссу к берегу. Река отпустила ее.

«Где я?»

Кларисса открыла глаза и увидела берег — необходимо выбраться наверх... «Но я так устала». Мысли металась в голове, словно дикие птицы, путалось прошлое и настоящее: она думала о Ксавьере, об истории родителей, о доне Хорхе, о работе на родительском ранчо, на маленьком крестьянском дворе в провинции Энтре-Риос, о выстрелах, взбивавших вокруг нее фонтанчики воды.

«Я хочу жить».

Кларисса в очередной раз собралась с силами и выползла на берег. Она положила голову на руки, теперь вода омывала лишь ее ноги. Гнилостный влажный запах бил в нос — знакомый дух. Как жизни, так и смерти. Кларисса с трудом повернула голову набок, чтобы было легче дышать. Все неожиданно стало даваться с таким трудом. Девушка прикоснулась щекой к влажному илу. Совсем рядом росли гигантские деревья. Плеск воды, пение птиц, крики обезьян — звуки густого леса у водопадов Игуасу...

Кларисса смотрела на блестящие капельки воды на листьях растений. Она увидела каких-то паучков, насекомых, крошечную лягушку яркого цвета... Жара и духота в тропическом лесу гнетущие. Вода на ее коже смешалась с потом. Жара была для нее привычной, но обычно она пряталась от нее в доме. Как быстро человек привыкает к удобствам!

«Хочется спать, — пронеслось у нее в голове, — спать и больше ничего... Я так измучилась, ужасно, чудовищно измучилась».

Снова шорох...

Потом что-то мелькнуло в зарослях, не издав ни единого звука. Кларисса из последних сил поползла наверх. Она заметила что-то пятнистое. Узор этот на фоне растительности был почти незаметен. Янтарные кошачьи глаза и запах... Его

девушка почувствовала еще до того, как заметила в подлеске ягуара, крадущегося, словно тень.

Роберт Метцлер правил мерином по кличке Серебристый Лис одними шенкелями, а руками пытался открыть жестяную банку, которую его мать, Эльсбета, сунула ему в седельную сумку: сын мог в любой момент наполнить ее свежей провизией. Роберт решил поесть прямо на ходу: не хотел терять ни единой драгоценной минуты, ведь вскоре придется возвращаться в Росарио. Там он жил и успешно занимался врачебной практикой.

Утром четвертого дня он покинул ранчо родителей. Цель его путешествия была не так уж далека, но в этих краях никто не мог поручиться за состояние дорог. Прошлую ночь он провел в знакомой пульперии — типично аргентинском гибриде таверны и лавчонки. Роберту повезло: здесь нашлась просторная комната и несколько свободных кроватей. Он радовался маленькому приключению. Как минимум раз в году он отправлялся на несколько недель сюда, в дремучие леса на границе Парагвая, Аргентины и Бразилии, чтобы посвятить себя изучению животного и растительного мира.

На какой-то миг Роберт отвлекся от банки, залюбовавшись одной из многочисленных ярких бабочек, которая трепетала в тяжелом влажном воздухе. Солнечные лучи, едва пробивавшиеся сквозь зеленый шатер листьев, блестели на светло-каштановых волосах юноши. Роберт прищурил темно-карие глаза, заприметив особенно красивый экземпляр морфо пелеиды. Порхающие кобальтово-синие крылья бабочки напоминали кусочки неба.

Роберт осматривался по сторонам, любуясь лесом справа и слева от узкой тропинки. Здесь росли густые папоротники, а бромелии приветствовали путешественника богатством красок. Над ними вздымались гигантские деревья. Их сплетенные корни служили надежной опорой для самых разных вьющихся растений. Ветви палисандров с темно-зеленой листвой и цекропий, менявших цвет осенью от ярко-оранжевого до

фиолетового, тянулись до самого неба. Орхидные деревья, или баугинии, и лапачо (местные жители называют его деревом жизни) радовали глаз с мая по август розовыми, желтыми и белыми цветками, в зависимости от вида. Вдруг издалека Роберт услышал крики обезьян-ревунов. Что-то их взволновало, обычно в это время у них послеобеденный отдых.

Наверное, обезьяны заприметили одну из диких кошек, которые бродят в этих местах. Друг Роберта Яки, индеец племени гуарани, показывал ему здесь ягуара, пуму и оцелота. Яки и Роберт выросли вместе. Семья Яки поддержала родителей Роберта, когда те переехали в Новый Свет. Роберт с радостью вспоминал те времена. Всякий раз, возвращаясь сюда из Росарио, он чувствовал себя свободным, как тогда, когда они с Яки бродили по окрестным лесам у родительского дома.

Раздался шорох. В зеленой листве Роберт заметил светлый мех, вытянутую морду и длинный, свернутый колечком хвост носухи. Роберт некоторое время наблюдал за зверьком, потом снова вернулся к жестяной банке. Наконец она поддалась: хлеб, купленный в пульперии, остатки копченой колбасы, прихваченной из дома, а еще пакетик с мате — терпким чаем, который охотно пили в Аргентине, добавляя в него сахар. Роберт намеревался заварить его вечером, когда разобьет лагерь и разожжет костер. Для него это был любимый ритуал, он им наслаждался, даже когда был один. Он пил этот напиток из калебасы через бомбилью — железную трубочку с маленьким ситечком — для фильтрации. Весь этот инвентарь был тщательно упакован среди вещей.

Роберт улыбнулся. Ему было немного жаль, что в этот день придется доесть последние домашние припасы. Мать беспокоилась о своем мальчике, когда Роберт навещался в гости. Случалось это слишком редко, за что мать журила сына.

— Участок Росарио за виллой Вейнтисинко-де-Майо просто отличный, — говорил он всякий раз, улыбался и добавлял: — Я навещаю вас так часто, как только могу.

— Как твоя практика? — В такие моменты отец предпочитал менять тему.

